

лос, нещадно эксплуатируя его пением на дачах правительственной элиты.

— На гастролях, по-моему, по Кавказу я простудился. Врач поставил диагноз: ОРЗ. Но не отменять же выступления... Потом оказалось: воспаление легких, после чего начались профессиональные проблемы. Но, что скрывать, пел и на дачах Брежнева, министра обороны... Не только я. Таковы тогда были правила игры.

Как-то вдруг замолчал телефон, а то рвали на части... На улице встретишь знакомого: «Ой, ты куда пропал?» Конечно, для меня это была драма, потому что я уже не мог делать то, ради чего, считаю, явился на свет. Я получал колоссальное, ни с чем не сравнимое удовольствие от пения, которого лишился. Я ушел из театра.

— Но у вас был какой-то запас-

Когда слышу чьи-то жалобы, что на зарплату не проживешь, а торговать-де он не приспособлен, убежден: это одна из форм лени. Вот у меня сосед. Ученый. Иногда на лестничной площадке встречаемся. «Как дела в науке?» — спрашиваю. «Катастрофа, — говорит. — В институте полный развал. Финансирования нет. Зарплату месяцами не платят». — «Витя, а на что же ты живешь?» Он отмахивается: «При чем тут это? Деньги нельзя, что ли, заработать? Но я не хочу, чтобы это помешало науке». Оказывается, устроился дворником, взял несколько участков — семью обеспечивает. Конечно, Ротшильдом или Рокфеллером таким способом не станешь. Это гении, которые рождаются раз в столетие. Как Моцарт... Но на насущные нужды — ту же колбасу, одежду — человек с руками-ногами может заработать.

клиниваться на этом не надо. А бизнес — всегда риск.

Когда оставил театр (это был 1992 год), решил вернуться к прежнему производству, но сделать все как следует. У меня вообще такой характер: если берусь за что — доведу до конца. Я собрал все свои сбережения, продал загородный дом. Нашел партнеров. Мы заказали в Америке хорошее оборудование для производства мясных изделий. Тем временем отремонтировали в Коньково помещение. Все деньги вбухали. А оплатить таможенную пошлину не смогли — немислимая сумма. Пришлось отказываться, извиняться. И начинать сначала.

Опять зарабатывали, развоза на своих машинах товар по магазинам. Бывало стыдно, когда узнавали. «Совковость» в нас надолго. Зато сейчас без долгов, торгуем не только продукцией, — 45 видов мясных

Случайное совпадение: когда я пришла в гости к Александру Ворошило, по телевизору показывали про него сюжет. И был там такой кадр. По просьбе ведущего Ворошило встал — характерный оперный взмах рукой — и запел: «Кто может сравниться с Матильдой моей...» Этот до боли знакомый баритон в свое время постоянно звучал по радио. Знатоки и сейчас заверяют, что лучше Ворошило никто не исполнял партию Роберто.

— Чувствуете, какое тут длинное дыхание, — отмечает хозяйин. Без хвастовства — просто констатирует факт.

— А вас не обидело название телесюжета — «Мясник Ворошило»?

— Нет, — отвечает вполне искренне. — Главное в любом деле — получить признание.

В этот момент уставший после работы Ворошило мало был похож на экранного весельчака, который эффектно появился в студии с двумя авоськами сосисок собственного производства.

— Это просто актерский трюк — роля в кустах.

— Как же вы, солист Большого театра, попали в малое предприятие, да еще по выпуску колбасы?

— Почему-то всех смущает колбаса. Ну а как я — токарь Днепропетровского завода горно-шахтного оборудования — попал в Большой?.. Вроде тоже одно от другого далеко. Семья у нас простая, отец — рабочий, пятеро детей. Жили на окраине. До двадцати трех лет я музыке не учился. В школе, правда, успевал. Даже в горный институт поступил... за старшего брата. Теперь можно признаться — он его потом все равно бросил.

А дело было так. Я уже отслужил в армии, вернулся на завод. Брат взялся строить себе дом — не до экзаменов. А мне что? Волосы покрасил в черный цвет (мы с ним на одно лицо, только он темноволосый) и пошел сдавать. Поступил.

А вечером родня собралась. Сели ужинать. Выпили. Наверное, даже самогонки. Дядька стал подначивать меня: «Что ж ты-то не учишься?» Я распетушился: «Да я, может, певцом буду!» (Не зря же в художественной самодеятельности выступал на заводе.) Утром он меня расталкивает: «Пойдем». — «Куда?» — «В музыкальное училище. Поступить». Я только во время экзаменов разобрался, что вокальное отделение — это где поют.

Тогда, конечно, трудно было представить, что спустя годы меня пригласят на прослушивание в Большой театр, где поют такие исполины, как Образцова, Атлантов, и из 138 претендентов солистом в оперу примут меня.

Не скажу, что мой голос изначально всем нравился, но я всегда знал путь, которым можно добиться признания, чтобы все сказали: «О!»

— И этот путь — работа?

— Целеустремленность. Если очень сильно чего-то захотеть, трудиться в поте лица, а не «казала-мазала», как говорят на Украине, то своего добьешься. Я стал одним из первых в Большом, исполнял ведущие партии — Яго, Онегина, Чичикова, Роберто... Много гастролировал за границей. Получил звания народного артиста России, лауреата Госпремии и премии Ленинского комсомола.

Но и сейчас, считаю, получил признание, поскольку продукция

Александр ВОРОШИЛО: НЕ ПОВЕРЮ, ЧТО ЗДОРОВЫЙ МУЖИК НЕ СУМЕЕТ ПРОКОРМИТЬ СЕМЬЮ

Знаменитый в недавнем прошлом певец, солист Большого театра, нынче делает колбасу и — счастлив

идет нарасхват. Поставляем в Кремлевский Дворец, в Новоарбатский и Елисеевский гастрономы...

— Похоже, вы в одну телегу впрягаете коня и трепетную лань...

— Ну хорошо, расскажу, как получилось. Я был в Америке на гастролях. После выступления подошли два эмигранта-одессита. Им хотелось заняться бизнесом в новой России, где появилась масса возможностей. И мне тоже было интересно завести собственное дело, хотя я сначала «комплексовал». Исполнитель лирических партий, солист оперы — и такая проза: мясо, сосиски. Никому не говорил, что стал совладельцем колбасного цеха в Новоарбатском гастрономе. Тогда там пусто было — минимум продуктов. Мы установили оборудование, отгородили стеклянной стеной, чтобы народ, стоя в очереди, мог наблюдать, как готовят ему колбасу.

Если честно, мы в то время делали колбасу не лучше той, к которой привыкли, но за ней выстраивались очереди. Нам не хватало знаний. Я предлагал: давайте привезем специалиста из Америки или своего отправим туда на обучение. Компаньоны недоумевали: «Что тебя не устраивает? В России все съедят». «Сегодня, говорю, — да, а завтра — побыют». Хотя цех был на подъеме — молотил круглосуточно, я вышел из дела. Продолжал петь в Большом.

— Ходили слухи: вы потеряли го-

ной вариант? Нельзя же уйти на улицу? Сейчас ведь просто: нет работы — не на что жить.

— Я с этим не согласен. На мой взгляд, время нынче таково, что только ленивый (про недееспособных не говорю) не может заработать.

— Вы серьезно так считаете?

— Абсолютно. Выступаю как-то по радио уже в роли предпринимателя. «Живой» эфир — много звонков. Например, человек полгода не может найти работу — жить не на что. Я проникся — попытался помочь. Мол, я бы вас взял на работу — приходите после передачи, покажу производство. Если не умеете — научу. Он пришел. Посмотрел. «Я подумую», — и исчез. Да еще с нелепым вопросом: «Что — каждый день работать?» Не поверите, мне трудно найти рабочих на фабрику, хоть зарботки у нас не самые низкие — 1 — 2 миллиона. Ведь масса людей в стране привыкла получать зарплату (ее, правда, таковой называть нельзя) только за выход на работу.

Допустим, надо починить электромотор — захожу в мастерскую. Там кипит страсти, дуется в домино. Спрашиваю: «Хотите подработать?» — «Ты бы еще позднее пришел — уже три часа». — «А вы до трех работаете?» Мастер не на шутку рассердился: «Да тут осталось два часа до конца смены!» От игры никто не оторвался.

— Не слишком тяжелый хлеб для ученого?

— Знаете, я легкого труда не знаю. Мне такой не попадался. Токарем в ночную смену стоишь за станком — к четырем-пяти утра хоть спички в глаза вставляй. Но нормально по тому времени получал. Тогда по молодости хотелось одеться, обуться, мебелью обзавестись. В училище учился — отца упрямил аккордеон купить, на нем подрабатывал на свадьбах, проводах. Да еще вел кружки самодеятельности, с цыганами в спектаклях участвовал. Когда поступил в Одесскую консерваторию — пристроился к театру Жванецкого. Про Большой театр — особый разговор. Много работал — много зарабатывал. «Ты что расстроенная?» — спрашиваю артистку. «Денег нет, на концерты не приглашают». — «Слушай, в Пермь за меня с концертами поедешь? Так совпало: у меня три города в одни сроки». Она обрадовалась: «Ой, как хорошо. Спасибо». Через неделю подходит в раздумье: «Саш, а что — все концерты полностью исполнять?» Еще через неделю: «Это туда самолетом лететь?» На лице — муки. А накануне гастролей проникновенно заявляет: «Знаешь, я, наверное, не смогу тебя заменить». — «Конечно, — говорю, — не надо. Только не говори больше, что у тебя денег нет».

Заработать можно. Вопрос в другом: насколько хочется. Как в анекдоте. «Ты помидоры любишь?» — «Кушать — да, а так нет». У нас даже сказки-то для оправдания ленивых: Иванушка-дурачок нашел клад и лежит себе на печи. Вкалывать не надо. В расчете на дурачков и расплодилось такое количество пирамид, вроде «МММ».

Тот же пример из жизни. Приходит к нам в цех оркестрант из Большого. У него какие-то накопления, не знает, как распорядиться: «Может, возьмете меня в долю?» Мы не против. Через несколько дней прибегают возбужденный: «Слушай, такой-то (называет общего знакомого) в «МММ» вложил. Такие деньги накрутил — вам век не заработать». А потом объявляется удрученный: «МММ» прогорела. — «Ты что — все туда отнес?» Обиделся: «За дурака меня принимаешь? Нет, я понемногу положил в «МММ», в «Чару», «Тибет», «Властилину»... Оказался большим селекционером, но итогом закономерен».

— В вашем бизнесе обошлось без неудач?

— Ну как же без них? Просто за-

изделий, но и технологией. Два цеха — примерно 80 рабочих. Собираемся строить большую фабрику.

— И никто вам не мешает?

— К этому надо относиться философски. В стране есть масса людей, которые не хотят создавать, а отбирать научены. Но, видно, пока в них государство заинтересовано — иначе почему их терпит? Я вот никогда не поверю, что государство не в состоянии одолеть криминальные структуры. Допустим, не стало криминала — сразу возникает вопрос: куда же все девается? А так есть на кого списать. Раньше эту нишу занимали «несуны».

Ко мне тоже приходят за данью... Но я не собираю деньги с населения, чтобы потом убежать. Что с меня взять? Производство, люди...

Давайте включим телевизор — новости начинают.

— Бойтесь, что коммунисты придут?

— Не хотелось бы. Не потому, что фабрику отберут. Я ведь и тогда хорошо жил. Душа болит: поставят директором человека, который руководил банно-прачечным трестом, потом развалил библиотеку и делает опять колбасу несъедобной... Я не практик, но знаю, как сделать хорошо. А им это не нужно. Удобно, когда подчиненные зависимы. Покритиковал, недоволен — отодвинем очередь на квартиру; послушен и сговорчив — получи заказ к празднику... Один партиец уже объявил: отберем приватизированные квартиры и раздадим народу. А мы кто? Не народ? Обычные трудяги.

... Ну все, можно убирать свук.

— Судя по тому, что вы снялись в фильме «Ширли-мырли», изображая квасного патриота-горлопана, вам, наверное, в нынешней жизни недостает творчества?

— Меньшов предлагал «поющую» роль, но мне Козьма понравился, который постоянно не к месту кричит: «Шниперсон выбирает Россию!» Меньшов потом гадал: кого ему напоминает образ. А я его с Ангилова слепил.

— Откуда же время на все это?

— Я никогда не захожу будильник — просыпаюсь точно когда нужно. Если хочется — спланируешь, ужмешь, найдешь время. В «Ширли-мырли» снимался ночами. Меньшов уже новую роль предложил. А 7 июля буду петь на закрытии Нижегородской ярмарки.

Роман Карцев, с которым мы дружны еще с Одессы, говорит мне как-то: в деревне ты жил, рабочим был, в Большом пел, в кино снимался, колбасу делать научился — теперь тебе осталось написать книжку. Может быть. Мне все интересно.

Беседу вела
Ольга ПАРФЕНОВА.
Фото Валерия УТЦА.

Р.С. Этой публикацией мы открываем конкурс «Мое дело». Участие в нем может принять каждый, кто не просто хочет хорошо жить, но и знает, как заработать на это средства. Хотите поделиться опытом? Тогда позвоните нам по телефону 299-52-69 или напишите письмо с пометкой на конверте «Мое дело». Самых предприимчивых ждут призы газеты «Труд» и Госкомитета РФ по поддержке и развитию малого предпринимательства (ГКРП).